

Содержание

Введение	6	Где жених?	118
Что такое нелепое лицо?	9	Простите, что?	122
Младенец-мужчина XIII века	10	Дрейфуя сквозь туман	127
Самодовольная ухмылочка	15	Прекрасный зеленый Ван Гог	131
Пикантные тайны с двойным дном	18	Справедливая сделка	136
Пекарь печет головы	22	Мальчишки есть мальчишки	140
Девушка в беде	29	Кошки есть кошки	146
Единорог не в лучшей форме	32	Самый быстрый художник в истории	150
Задумчивый архангел	38	Тигр в отчаянии	156
Девушка с салфеткой	42	Обычный день в Небесной канцелярии	160
Средневековая трепанация	46	Вечеринка с жутким финалом	170
Косоглазый шут	50	Римляне-шмимляне	174
Характер важнее красоты	54	Почтальон из преисподней	178
Горе и бархатцы	58	Японская резьба по лицу	184
Бегемот в беде	62	Мохнатый феномен	188
Красота волосатых родинок и блестящих прыщиков	67	Головы полетят	192
Лицо-изобилие	70	По волосам встречаются	196
Хеви-метал-трони	74	Мохнатый комок недоразумений	202
Гнев Зевса	78	Она мертва, жива — или и то и другое?	206
Умеют ли рыбы кричать?	82	Отчего такое вытянутое лицо?	212
Совершенство — это скучно	86	Роскошный парад эмоциональных травм	217
Сила парейдолии	90	Детские страдания в изящном обрамлении	220
Ангельская неловкость	96	Победитель Сатаны	225
Ну, будь я проклят	102	Лик небесной нелепости	228
Розы алые, гости бездыханные	106	Благодарности	234
Чистое зло	111		
Ночной перекус Сатурна	114		

История искусства привлекает меня по трем причинам: красота, захватывающие сюжеты и невероятное количество нелепых лиц. Помимо кистей рук и велосипедов, лицо — едва ли не самое сложное, что приходится рисовать художнику. Возможно, именно поэтому в искусстве полным-полно всяких странных физиономий. Некоторые мастера попросту не умели толком изображать лица.

ВВЕДЕНИЕ

Взять хотя бы Клода Моне — гений света, цвета и пейзажа. А вот с лицами у него — увы и ах. И он прекрасно это понимал. Поэтому старался их избегать в своих работах, а уж если брался изображать, то лица выходили расплывчатыми, без подробностей. Импрессионистскими, так сказать. Посмотрите на «Даму с зонтиком» — восхитительное полотно с двумя совершенно размытыми лицами. И это прекрасно, потому что в данном стиле это выглядит совершенно уместно.

Клод Моне. Прогулка. Дама с зонтиком. 1875. Холст, масло. 100 × 81 см. Вашингтон, Национальная галерея искусств

Но если Моне пытался написать лицо более детально, результат получался... ну, скажем так, своеобразный. Конечно, с годами он поднаторел, а вот когда ему было 22, он создал «Женскую голову». Чудесный образец нелепой физиономии на весьма посредственном портрете.

Откровенно говоря, проблемы с лицами — не такая уж большая беда. Особенно если у художника хватает таланта переключиться на новое направление в искусстве, где лица не главное, да еще и стать отцом-основателем этого направления. Снимаю шляпу перед Клодом.

Но больше всего меня восхищает, когда физиономия на картине выглядит по-дурацки не из-за отсутствия мастерства, а потому что художник хотел изобразить именно такое лицо. Странное. Нелепое. Забавное. Называйте как угодно — главное, что оно выбивается из привычных рамок. Вот тогда-то и появляются *дурацкие лица на гениальных полотнах*. Именно такие картины мы и будем изучать в этой книге.

Клод Моне. Женская голова. Ок. 1862. Холст, масло. 52 × 41,5 см. Париж, Музей Мармоттан-Моне

что такое нелепое лицо?

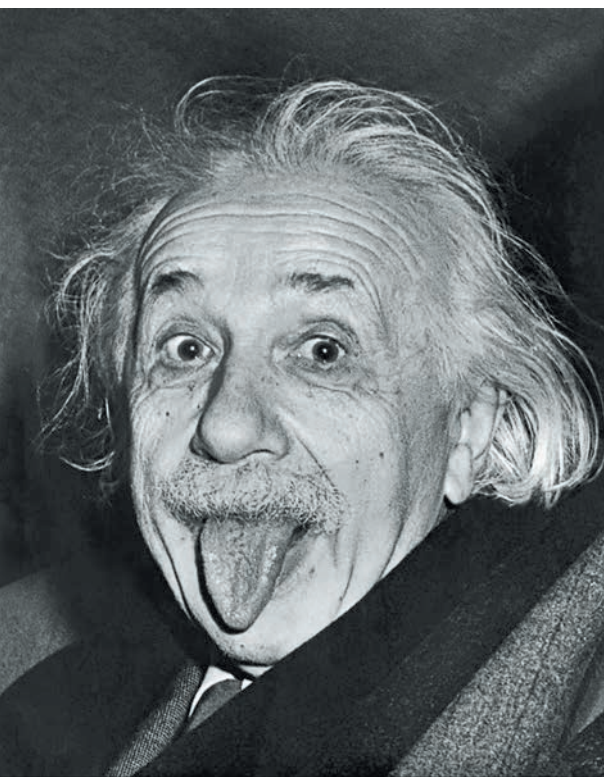
Но что же это вообще такое — нелепое лицо? Уж точно не признак глупости. Глупым считают того, кому не хватает ума — что бы мы под этим ни понимали. Но сейчас речь совсем о другом.

Мы будем пристально разглядывать дурацкие физиономии, но это

никак не связано с интеллектом их обладателей. Скорчить дурацкую рожу может каждый. Тот же Альберт Эйнштейн был на это мастак. На знаменитом снимке Артура Сасса гениальный ученый демонстрирует совершенно идиотскую физиономию.

Так что, когда я говорю «нелепое лицо», это не про ум. Все дело в нелепости выражения или в том, что художник изобразил лицо в довольно необычном стиле. А может, и в том и в другом сразу. Вот на таких лицах мы и сосредоточимся. И главное — мы раскопаем истории, которые за ними стоят. Почему лица такие чудные? Какие чувства прячутся за этой странностью? И как эта физиономия связана с картиной, на которой красуется?

Добро пожаловать в дивный мир нелепых лиц на гениальных полотнах. Поехали!

Артур Сасс. Альберт Эйнштейн. 1951

младенец- мужчина XIII века

Кажется, если как следует покопаться в истории искусства и скрупулезно изучить итальянскую иконографию XIII века, можно запросто обнаружить ранние изображения американского режиссера и сценариста Квентина Тарантино. Потому что, честное слово, сходство просто невероятное.

Может, это кто-то из затерянных в веках итальянских предков Тарантино? А может, его средневековый

двойник? Скорее всего, ни то ни другое, поскольку наше первое странное лицо принадлежит самому изображаемому человеку в истории искусства — и это вовсе не Квентин Тарантино, а совсем другой великий рассказчик по имени Иисус Христос из Назарета. Но постойте, разве Иисуса не рисуют обычно с длинными волосами и бородой? Ну, как сказать. Переверните страницу — и поймете, почему он тут такой... гладковыбритый.

Итак, почему на этом конкретном изображении у Иисуса нет бороды? Все просто: Спаситель еще младенец. А у младенцев бород не бывает. Правда, у большинства младенцев также не бывает залысин, как у сорокалетних. Так почему же художник изобразил младенца-Христа именно так?

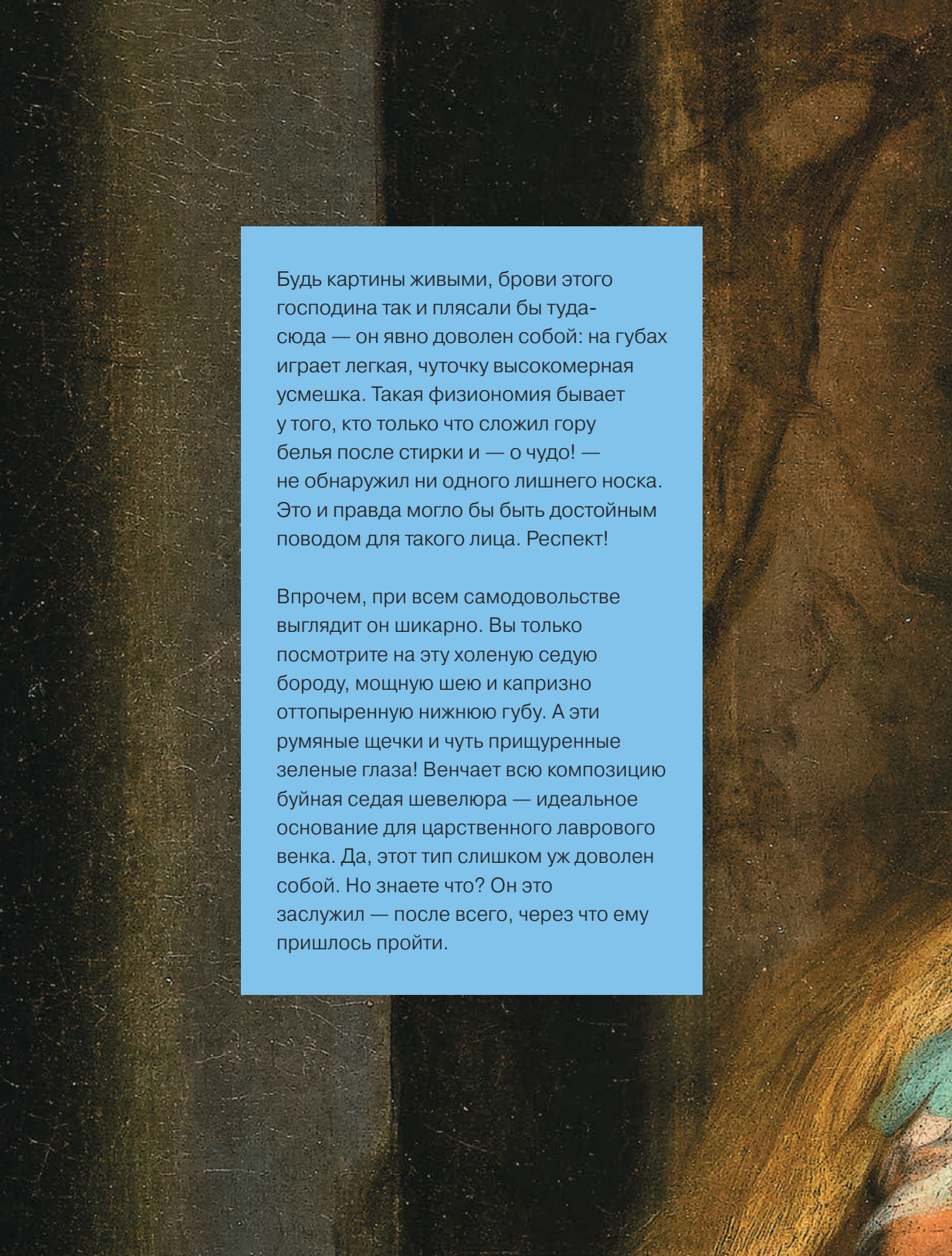
Если вы думаете, что он не знал, как выглядят младенцы, то вы ошибаетесь. Изображать младенца Иисуса взрослым мужчиной — абсолютно осознанный выбор, весьма распространенный в средневековой христианской иконографии. Так подчеркивали, что Христос — не обычный младенец. Он мудрый и божественный младенец, с рождения осознающий свою миссию. И пусть этот странно взрослый младенец Христос

выглядит утомленным жизнью, мы видим, как он поднимает руку для благословения. А Богородица изображена с выражением глубокой задумчивости, словно созерцает тайну воплощения.

Создавая подобные образы, художники той эпохи не гнались за портретным сходством — богословие было важнее реализма. Главное — не как выглядит Иисус, а что он собой *воплощает*.

Мастер Бигалло. Мадонна собора
Фьезоле. Ок. 1225. Италия,
собор Фьезоле

Будь картины живыми, брови этого господина так и плясали бы туда-сюда — он явно доволен собой: на губах играет легкая, чуточку высокомерная усмешка. Такая физиономия бывает у того, кто только что сложил гору белья после стирки и — о чудо! — не обнаружил ни одного лишнего носка. Это и правда могло бы быть достойным поводом для такого лица. Респект!

Впрочем, при всем самодовольстве выглядит он шикарно. Вы только посмотрите на эту холеную седую бороду, мощную шею и капризно оттопыренную нижнюю губу. А эти румяные щечки и чуть прищуренные зеленые глаза! Венчает всю композицию буйная седая шевелюра — идеальное основание для царственного лаврового венка. Да, этот тип слишком уж доволен собой. Но знаете что? Он это заслужил — после всего, через что ему пришлось пройти.

**САМОДОВОЛЬНАЯ
УХМЫЛОЧКА**

Эту картину можно рассматривать с двух разных ракурсов. Первый уводит нас в дебри безбашенной мифологии. Наверняка вы слышали про Геракла — того самого героя, которому выпало совершить 12 нереально сложных подвигов. Разобраться с горой белья, не потеряв ни носка, вполне сошло бы за тринадцатый, но на самом деле подвиги были чуть менее бытовыми. Взять хотя бы убийство девятиглавого змея — именно этот эпизод запечатлен на картине. Задача не из простых: стоило Гераклу отрубить чудищу одну голову, как на ее месте тут же вырастали две новенькие. Хорошо, что герой догадался позвать на подмогу племянника Иолая — тот был парень смекалистый. «А что, если, — предложил Иолай, — прижигать обрубки, чтобы головы не отрастали?» Сработало на ура. Вдвоем они уколошили гадину, и Геракл смог наконец вернуться к более важному делу — бритью своих умопомрачительно прекрасных ног.

Такова мифологическая подоплека портрета. Вот только самодовольная физиономия на этом великолепном полотне принадлежит

вовсе не Гераклу, а Генриху IV, королю Франции. И его девятиглавой гидрой были французские религиозные войны. И это второй, исторический смысл этой картины. Дело в том, что Генрих был протестантом, а французским католикам это ой как не нравилось. Видеть его на троне они не желали и бились насмерть, лишь бы такого не допустить. За свою жизнь Генрих пережил не менее дюжины покушений.

И все же, несмотря на всеобщую ненависть, наш герой оставался прагматиком до мозга костей. Чтобы удержать корону, он взял и перешел в католичество, обронив при этом знаменитое: «Париж стоит мессы». А через пять лет, в 1598-м, подписал Нантский эдикт, который гарантировал протестантам свободу вероисповедания. Так наш хитрец Генрих умудрился угодить и волкам, и овцам — и католикам, и протестантам. Итог? Религиозные войны во Франции наконец-то закончились. Такое достижение точно заслуживает парадного портрета.

Правда, художник малость потопился. В 1610 году, спустя десять лет после создания картины,

Туссен Дюбрей.
Генрих IV
в образе
Геракла,
побеждающего
Лернейскую
гидру. Ок. 1600.
Холст, масло.
91 × 74 см.
Лувр, Париж

Генриху все-таки пришел конец. И убила его не девятиглавая морская тварь, а озлобленный католик-фанатик. Заколол кинжалом,

раз и навсегда стерев самодовольную улыбочку с королевского лица. Нам повезло — хоть картина осталась.

ПИКАНТНЫЕ ТАИНЫ С ДВОЙНЫМ ДНОМ

На этом лице застыло выражение крайнего изумления. Глядя на цветущие кусты, в которых притаился этот господин, можно подумать, будто его застукали во время игры в прятки.

Но источник его потрясения куда более интригующий. Этот молодой человек — один из трех главных героев игривого шедевра рококо, в котором спрятано несколько пикантных тайн с двойным дном. Первая тайна? Она парит прямо над нашим ошеломленным кавалером.

Полюбуйтесь на вторую героиню — она просто восхитительна. Раскрасневшаяся очаровательная кокетка грациозно взлетает на роскошных качелях с мягкими подушками. В полете она игриво отбрасывает розовую туфельку, а ее юбка при этом распахивается так, что любой, кто окажется в нужном месте в нужный момент, увидит то, что обычно скрыто от посторонних глаз.

Тут стоит заметить, что дамы XVIII века не носили белья

в современном понимании. Они надевали сорочки — свободные нижние рубашки, которые (если теоретически представить, что девица раздвинула ноги на определенной высоте под определенным углом, а внизу оказался наблюдатель) практически ничего не скрывали.

Теперь, думаю, понятно, откуда такое изумление на лице у нашего кавалера в кустах. Но это еще не вся история — на картине прячется третий персонаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru